

Галина ВИШНЕВСКАЯ, певица:

Пусть работают как лошади

Заканчивается первый месяц работы Центра оперного пения Галины Вишневской, который задумывался как профессиональная надстройка над высшим музыкальным образованием, промежуточная стадия между консерваторией и театром. Основательница центра весь этот месяц просидела на занятиях в классах. О первых результатах Галина ВИШНЕВСКАЯ рассказала обозревателю «Известий» Екатерине БИРЮКОВОЙ.

— Галина Павловна, вы говорили, что работать будете только с готовыми голосами, учить роли, не вмешиваясь в вокальную технику. Но вот я сидела у вас в классе и видела обычный урок вокала.

— Все, кто здесь учится, действительно окончили консерваторию. И тем не менее — масса недостатков: зажатая глотка, тремолация. Ну куда таким роли учить? Только голос добывать. Поэтому я сейчас трачу весь сентябрь на то, чтобы технически им помочь.

— Почему же вы их приняли?

— Знаете, как бывает? Певица поет на вступительном конкурсе — это одно. А поступает — обнаруживаются новые недостатки.

— Много таких разочарований?

— Немного, но есть. Потом какие-то они неорганизованные. Как дети! Это русским присуще. Западные певцы быстро соображают что как, не теряют времени, работают, моментально выучивают. А наши — то больной, то еще что. На восемьдесят процентов не умеют пользоваться своими великолепными данными. Не ставят себе глобальных целей. Надо ставить себе недостижимую цель — и к ней идти.

Даже если половину пути пройдешь — уже хорошо. Сквозь «не могу», сквозь болезни, сквозь усталость продираться. Сколько я с ангиной пела!

— Это же вредно для голоса.

— Ну, надо быть мастером, чтобы обходить какие-то трудности.

— А хорошие результаты есть?

— Да. Вижу, что будет толк. Есть две очень хороших меццо-сопрано. Колоратура одна есть. Лучше с мужскими голосами. Голоса все хорошие — теперь надо их приводить в порядок. На подготовительном отделении, например, есть окончившие консерваторию, которым надо просто с самого начала учиться пению! Но это платное отделение. Мы их взяли, чтобы поддержать педагогов. Но безголосых мы и на платное не берем.

— Сколько платных учеников?

— Пять.

— А сколько они платят?

— По-моему, двести долларов в месяц. Это по-божески.

— Иностранцев пока нет?

— Нет, мы еще не давали никакой зарубежной рекламы.

— А вы не интересовались, как устроена Академия молодых

певцов Ларисы Гергиевой при Мариинском театре?

— Нет. У нее, вероятно, что-то другое. Она же не певица.

— Вы со всеми учениками своей школы занимаетесь?

— Со всеми. Не только голосом занимаюсь, но и над образом работаю. Роль должна быть сделана у рояля — таков мой принцип. Не выучена — а именно сделана. Музыкальный образ рождается в классе. Потом уже с певцом пусть работает режиссер. На равных.

— Роли, которые вы подготовите, сложатся потом в спектакль?

— Сейчас план такой: в конце первого полугодия хочу поставить на сцене, с оркестром большой фрагмент из «Руслана и Людмилы» — там подряд идет много арий, поэтому много солистов можно показать. А второе отделение — фрагменты из «Царской невесты». «Риголетто» тоже поставила в план. Расписала, кто что должен петь. Они должны мне все это за октябрь выучить. Пусть работают как лошади.

— В репертуаре ваших учеников будет двенадцатый век?

— Пока нет. Сначала надо научиться петь классику. В старые времена все художники обязаны были выучиться академическому рисунку.

— Вы не думаете работать в содружестве с театрами? Могут, например, попросить вас выучить с тем или иным певцом какую-нибудь определенную роль?

ДМИТРИЙ АСТАХОВ

— Конечно. Почему нет?

— Насколько, как вам кажется, для певца важны внешние данные?

— Если ко мне придет певица необъятных размеров с небесным голосом, я не буду с ней работать. А зачем? Чтобы она потом никуда не смогла устроиться? Артистка обязана держать себя в форме.

— Певец должен быть умным?

— Ум никогда не мешает, лапочка моя.

— Как часто вы теперь будете бывать в Москве?

— Месяц здесь — месяц дома, в Париже.

— Интересуетесь московскими музыкальными событиями?

— Конечно. «Турандот» в Большом послушала. Мне по-

нравился спектакль. Он традиционный — такая, я считаю, и должна быть «Турандот». Кроме финала, конечно. Когда вдруг выкатились эти маоцзедуны и детки с красными флажками, чем-то таким далеким повеяло. А в смысле пения — непонятно, зачем нужно было звать эту итальянскую певицу? Голос очень некрасивый. У нас свои есть, лучше.

— Вы видите какие-то положительные перемены в Большом?

— Я считаю, что нужно переделать всю систему — перейти на контракты, намного сократить труппу. Вот отпуск пойдя — распустить труппу и набрать новую. А для этого стоит поднять архивы царского времени. Посмотреть, на каких условиях тогда работали арти-

ты. И выдумывать ничего не надо. Все было в свое время продумано царем-батюшкой. Там денежку просто так не платили. А сейчас Большой театр — это богадельня, где только ногами вперед выносят. Между прочим, знаете, какое в прежние времена обучение было в консерватории? Нежданова дебютировала в Большом театре, когда еще студенткой была; — кто-то там заболел, и она срочно была введена на партию Антонины. Значит, она уже партию знала! И в первый же сезон спела шесть опер! Вот какое образование было!

— Вы ревности со стороны Московской консерватории не ощущаете?

— Мне что-то приносят на хвосте. Но я, честно говоря, ничего не слушаю.